

Когда люди еще на дальних подступах к театру заглядывают нам в глаза — нет ли лишнего билета? — это о чем-то говорит. Но важно и другое: с чем выходят люди на зала? По ладоням нетрудно определить температуру интереса к театру. По выходным можно заметить, пусть приблизительно, духовный потенциал общества.

НЫНЕШНЕЕ гастрольное киевское лето, если и не пришло художественных потрясений, то уж пищи для размышлений предостаточно. И, конечно же, в центре зрительского внимания были два московских коллектива. К спектаклю Малого театра, полагала устойчивая репутация старейшей русской труппы и вызванная ее приездом зрительская тоска по традиции. Интерес к знакомству с неизвестным МХАТом подогревался бурными событиями, происшедшими в русском театре на две конкурирующие труппы.

А теперь по существу. Со спектаклем Малого уносилось ощущение, что с потерей плеяды выдающихся мастеров, чья блеск актерского ансамбля заметно потускнел. Место угасших звезд заняли актеры среднего поколения, и можно, казалось бы, говорить о логике преемственности, но зрительское сознание консервативно и трудно освобождается от магии талантов ушедших. Шли когда-то на Ильинского и Жарова во «Власти тьмы», на Рыжова и Турчинянова в пьесах Островского, на Пашену и в «Казимире Пискарю» и «Васе Железновом». Есть, оказывается, незаменимые, есть...

Ревнивели традиций и сейчас обнаружат в Малом немало достоинств. Это и уникальное искусство сценического речей, и стильное поведение актеров в пьесах различных эпох и жанров, и мастерство подробного, неторопливого изложения сюжета. Все, согласен, из области утрачиваемого современного театром. Но то ли сценический пестит перд славным прошлым и традиции канонизируются (вместо того, чтобы стать трамплином для поиска), то ли недостаток общей одушевленности большой театральной надей, однако многие спектакли и многие в спектаклях Малого не полнует до такой степени, чтобы запомниться надолго. Заурядно звучат когда-то фирменные постановки: «Дарь Федор Иоаннович» — без И. Смоктуновского, «Горе от ума» — без М. Царева; спектакли И. Ильинского вообще ушли в небытие.

С нетерпением ожидалась расписная «Федра» в постановке Б. Львова-Анохина с Р. Нифонтовой в главной роли. И что же? Тонкая интонационная партитура, картинная апликация актеров в сценикографическую среду, изысканные передвижения, пленительная музыкальность темпов — а интерес к происходящему на сцене немалый. Любопытны красота и изыскания, обнаруживающиеся в сценикографической среде, изысканные передвижения, пленительная музыкальность темпов — а интерес к происходящему на сцене немалый. Любопытны красота и изыскания, обнаруживающиеся в сценикографической среде, изысканные передвижения, пленительная музыкальность темпов — а интерес к происходящему на сцене немалый.

ность не опроркнута. Иными словами, нам любезно противостоят богатый инкрустированный хрустальный бокал без напитка.

Спектакли главного режиссера театра В. Андреева умело выставлены и отменено настроены на зрительское восприятие. Они демократичны в том отношении, что не требуют дополнительных усилий для усвоения, смотрятся с интересом. Но глубоко не задевают. Несовпадением желаемого с результатом отмечен и центральный из гастрольных спек-

чтения инерционной димензии потенциально сильной группы не изменить. Но явля ли она инерцией? Есть ли у театра ощущение себя движущимся временем? К юм территории будущего твердого поиска, и обозначил я в для себя театр? Эти вопросы, разумеется, не расщепили на логические ответы, и не будем предвещать песимистический прогноз.

МХАТ. Об околотеатральной стороне его раскола осведомлены все. Более того, изворотливо закрутился стадо (к сожалению) предметом дискуссии и бытовых сдвигов. О творческой же причине конфликта прикидываю ничего не известно. Гол на-прямой вопрос: жовы реальные творческие альтерна-

глазах молодое, обретают энергию, волю. Обнаруживается и драматическая обязательность их встречи, и неизбежность их столкновения с миром обываного. Они разглядели друг в друге единомышленников, сообщников. Они оба — на острове духовного бытия — в круговой обороте против заземленного бытия, против мира прагматических поступков и меркантильных отношений.

Дороница и Ливанов настолько монополизировали интерес в нафантазированной воссоздании внутреннего мира Достоевского, в соотнесении своей духовности с вершинами человеческого духа, что, кажется, довольно и этого, чтобы с неослабевающим интересом следить за происходящим.

ческих прозрений основателей Московского художественного общедоступного театра?

Каждый спектакль имеет свою жизнь: рождается, развивается, умирает. Попытки реанимации явны: можно вернуть внешнюю похоть, но навски провалит живые связи сакрального. Это прекрасно понимали основатели театра. В 1901 году В. И. Немирович-Данченко открыл для сцены «Три сестры», а в 1940-м встал перед необходимостью создания нового спектакля по этой пьесе. И создал его. Оба спектакли вошли в историю как свершенные произведения театрального искусства. Думается, что вышедшие спектакли сегодняшнего МХАТа сделали свое нужное дело и в искусственном продлении жизни.

Пройдя через первые, самые тяжелые испытания на выживаемость, молодой МХАТ Т. Дороницы, похоже, вступает в новый, тоже не обещающий перемены, период своего сценического бытия. И хорошо, что этот ответственный период лишен эпатирующих жестов, декларативных заявлений — идет работа. Приглашаются режиссеры, исполнующие различные задания на театр, предлагающие творческие задачи, немыслимые «любопытности. И вернется в таком разнонаправленном — упрямом, конечно, — поиске театр нащупает верные ориентиры.

Наиболее убедительным подтверждением оптимистических прогнозов стала премьера «Свадьба А. Дударева», состоявшаяся на днях. Это не просто точное повествование, демонстрирующее истинные возможности труппы. Это — коллективная исповедь. Если сегодня в жизни мы становимся нескромными с собой, то в этом спектакле театр стремился к предельной искренности с нами. О необходимости морального обновления общества мы говорим как о свершившемся факте, спектакль же вопиет о противоречиях и тупиках этого процесса, неразрывно связанного и с данно ушедшей эпохой «казарменного социализма», и с периодом застоя, и с драматичным психологической перестройкой личности.

Этот спектакль обращен не к зрителю вообще, а к каждому из нас, и в этой соединяющей сцену и зал боли выкристаллизовывается истинный масштаб социального зла. Поэтому так силен вызванный в исследовании нутра актеров протест против превращения храма души в свалку.

НАЧАЛЬНАЯ статья, я посвятил на отсутствие художественных потрясений. Возвращаясь к этому тезису, хочу все же отметить глубину впечатлений и поучительность уроков, которыми нам запомнится это гастрольное лето. Впрочем, лето не кончилось, гастроль продолжается...

Р. КОЛОМИЕЦ.
Кандидат искусствоведения.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ВСЕ БИЛЕТЫ ПРОДАНЫ..

таклей — премьера «Гостей» Л. Зорина. Спектакль был широко разрекламирован как возрождение на сцене остро-социальной пьесы, написанной в 33-м и тогда же, после первого представления, запрещенной. Но нет на сцене обещанного «гражданского пафоса» — есть привычная актерская аффектация. Нет и анонсированного обещания «последствия бюрократической деформации органов власти» — есть дистиллированная критика отдельных недоросливых людей и отдельных недостатков. Что напоминает о драматических временах? Разве что декорации, выполненные в эстетике начала 50-х. Но стоит ли и дальше упрекать пьесу в том, чего в ней нет? Вопрос к театру: если возникла потребность участвовать в возвращении народа его исторической памяти, обмануть на этой пьесе сплет клином сошелся?

Конечно, сообразно рутинному пониманию гостеприимства, вооружившись увеличительным стеклом, можно было бы подробно остановиться на отдельных талантливых блестях, в том числе и в критических спектаклях: на тонком психологизме И. Ильинского в «Гостях», художественной простоте и эмоциональной насыщенности А. Кончкова в «Федре», овладении достоинством ледяных актеров (расположенных, кстати, не обязательно наверху иерархической лестницы). Можно акцентировать достоинства других, более удавшихся режиссуре спектаклей, хотя бы художественно целостного актерского трагедийного звучания «Долгого путешествия в ночь» Ю. О. Нила. Однако, как ни увеличивать сумму частных удач, общего впечатления коллектива, объединившегося вокруг Т. Дороницы? Высказаться, признаться, противоречиво. Первое: спектакли Т. Дороницы наиболее впечатляют. Но в этом ряду безоговорочной победой театра следует считать лишь один: «Старую актрису на роль жено Достоевского» З. Раздвинского. На первый взгляд, это типичное бенефициарное представление, где в центре сама бенефициантка. Однако при всей обстановочной роскоши режиссуры Р. Викитюка, юбточном исполнительском блеске Т. Дороницы спектакль забывает не этим, а концентрированным смысловым зарядом. На нас обрушивается такая яростная, самозабвенная, нерастеливаемая защита угнетенной духовности, что понятие «сверхзадача» — для чего ставится спектакль сегодня? — обретает уже не только смысл, но и личностный смысл. Это тема Дороницы? Или режиссер разгадал и возбудил все это в актрисе? Скорее — совпадение душевного строя, интеллектуальной начекаемости и интуиции.

Нанная и мудрая, несчастная и гордая, старая, бесконечно усталая и всеми забытая актриса живет в вымышленном, не заселенном пошлостью мире. Ее воззвание в адресе для престарелых свидетельствует о встрече с таким же страстным для последности человеком, с таким же мистическим, которого с великодушным чувством подстрекнул к солирующему партнеру иррадирует А. Ливанов, обещает зритель увидеть в нем прежним стереотипам коллизии взаимной симпатии и «слияния» через предположение недоразумений. Но нет, все о другом. Моистры на-

Но есть в спектакле еще один, очень характерный момент, который превращает его в духовный праздник. В своей материальной спешке, присутствии тоски и желании причастности к старому — легендарному МХАТУ, его художественным открытиям, нравственному целомудрию, фантастической этике. Не по сюжетной необходимости в сценико сию живет на сцене колоссальное прошлое: голоса корифеи МХАТа, марш из «Трех сестер». В сценическом пространстве размещаются серый занавес с чайкой и чароиты — только что отремонтированной фронтой МХАТа в былом Камергерском переулке, где тем артистам уже не сыграть. Эти реали — как неприкасаемые реликвии. Это тот материализованный в декоре, в звуках, в танцевальном трепете актеров конденгат, та некая духовная сила, по которой истосковался героиня Дороницы, быть может, сама Дороница...

Другие спектакли — разных сценических достоинств. Большинство так или иначе свидетельствуют о трудностях, переживаемых молодым театром. В афише — постановки, подписанные именами К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Понятно, что эти возлюбленные знак верности, так или иначе свидетельствуют о трудностях, переживаемых молодым театром. В афише — постановки, подписанные именами К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Понятно, что эти возлюбленные знак верности, так или иначе свидетельствуют о трудностях, переживаемых молодым театром. В афише — постановки, подписанные именами К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Понятно, что эти возлюбленные знак верности, так или иначе свидетельствуют о трудностях, переживаемых молодым театром.